

Станция «Белый кит»

Всё засыпано пеплом, будто совсем зима
или кончил сжигать письма, черновики
отношения с миром выяснены, не сходи
с ума
лучше купи билет до станции Белый [...] кит
говорят, где-то такая есть, где-то
на запасных
говорят, электрички и дети знают туда
маршрут
вот и езжай, пока не поймёшь, что ты уже
тут
поймёшь до последнего знака после всех
запятых

спрыгнуть на гравий, если июль, и вот
оно — правильное ощущение лета после
дожда
главное, совершенно не важно, кто здесь
и как живёт
главное, что не обидят и не навредят
надпись с затёртой буквой, привязанная
коза
обязательный алкоголик в засаленном
пиджаке
водокачка, полторы улицы, речка. что тут
ещё сказать
не думаешь, проворачивая ключ в висячем
замке

всё. ставишь точку, смотришь, как утекает
за лес вагон
и туда же, как с горки, скатываются облака
комната, пепел, в пепельнице догоревший
сон
но прямоугольник билета с открытой датой
в руках

Может быть, этот дом жил где-то там,
поперёк души
я всегда заходил в него, если бывал
со стороны окна
садился рядом с тобой не слушать тебя,
помогать и шить
бездонную торбу с дыркой в те времена
где наш непутёвый бог в круглосуточном
баре гудит на все
невидаль ли — воскреснуть на Пасху спустя
эти тыщи лет
все равно никому нет дела, Данил роет ров,
и сев
яровых в чернозём зачат, и льва
в окрестностях нет

а есть все этот же сломанный шпингалет,
ещё есть постель
застеленная поверх меня, есть визгливый
ответ пружин
панцирной, мячиком отдающийся в этажи
и неделя апреля не в счёт, просто здесь
будет рифма «а-прель»

априори, и хорошо б по латыни, да кто же
мастак
в гробе комнаты схиму мою за так на веру
прими
я вылезая через окно в очередной Перми
дай мне знак, пожалуйста, дай хоть
махонький знак

Второе путешествие Ноя

1.

Я плыву саженками поперек
водоема, имеющего исток
длину, глубину
понты
почти великой реки
я плыву, ощущая затылком
прикосновение женской руки
и как небо сгущается в замок
я могу быть бутылкой
посланием или пробкой
протолкнутой внутрь бутылки
координатной точкой
розой ветров и спрутом
Ноем
везущим от смерти прочь
несколько тысяч пар
живых существ и себя
страдающего паранойей
яйца страусов, кур и гагар
пингинов, кошечек, жеребят
и проект на тысячу лет
расписанный по минутам

2.

вода течет сквозь меня
завтра Яблочный Спас
и не видать огня
кроме того, что в нас
и помимо длиннот
километров, часов
кто-то потом поймет
был, мол, неправ, не готов
пить чужие стихи
петь, да кто так поет
но поперек реки
перемещающей лед
до августа через март
до Северного Ледови...
встать посреди Помар
здравствуй, мой визави
вот, забирай весло
вот выбирай судьбу
саженками поперек
Кольскую взять губу

и губу закусив
перегрызть удила
если корабль доплыл
по ручью до угла

3.

перечитай облака так
как разнимает ладонь
глаз хироманта на
можно по потрохам
по кофейным остаткам
знак
можно смотреть в огонь
если уже война
чёлн, чтоб нечеловек
кто ходил по воде?
солнце коснется век
но ты уже нигде
но ты по нотам, но
Ною простится все
когда под ногами дно
яблоней прорастет

Хоронили домового в печи
отпевала домового сова
сквозь потрескавшиеся кирпичи
прорастала дурная трава

раскатали избу по бревну
протоптали иван-чай до земли
из колодца вынули глубину
оборвали цепь, ведро унесли

я ночью в бане сырой
я пишу по саже на потолке

сквозь осколки в небе — месяц дырой
и идёт-бредёт бычок по доске

он качается, он спит на ходу
боковая верхняя до Читы
дом, в который я однажды уйду
пусть ещё побудет пустым

Или ты убоился зла, или тебя зло
так тебе везло, как воду везёт вода
и всегда от того, когда обломал весло
до самого снега, белого как борода

Угодника, ты ему молился по семь часов
и ещё по семь повторял имена живых
тех, что были, выли, скучали, тратили соль
не умея слов от дна и до синевы

жарким был жерминаль, и твой лёд не таял,
кипел
как кипели в горних просторах бои за нас
ты молился так же почти, как Иисус терпел
а потом жевал предрассветный кровавый
наст

в тот ли год, где тебя от жизни волок тягун
ты встречал плоты на далёкой Обве-реке
ты из ям земных добывал небесный чугун
и небесная дева встречала тебя в платке

ты построил скит, или лодку, отсюда мне
не достать ни взглядом, ни памятью, ни рукой
только всякий раз, как кипит котелок
на огне
я почти уверен, что знаю, кто ты такой